

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

*Русская
судьба
крылатых
слов*

Санкт-Петербург
«Наука»
2010

УДК 82-84
ББК 83.3(0)
Р89

Русская судьба крылатых слов / Отв. ред. В. Е. Багно; Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) РАН. — СПб.: Наука, 2010. — 634 с.

ISBN 978-5-02-025538-8

Исследование посвящено изучению закономерностей заимствования и бытования в русской литературе и русском культурном обиходе иноzemных крылатых слов, а также некоторых метафор-топосов и фразеологизмов, которые превратились в символы европейской цивилизации. Основное внимание сосредоточено на трансформации семантики, контекстов и подтекстов иностранных крылатых слов при переносе их из одной культурной традиции в другую, а также эволюции их смысла на протяжении веков.

Редакционная коллегия:

В. Е. БАГНО (ответственный редактор), Н. Н. КАЗАНСКИЙ,
С. И. НИКОЛАЕВ, К. С. КОРКОНОСЕНКО (секретарь)

*Исследование осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 04-04-00108а*

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 08-04-16144д*

ISBN 978-5-02-025538-8

© Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 2010
© Коллектив авторов, 2010
© Редакционно-издательское оформление. Издательство «Наука», 2010

ПРЕДИСЛОВИЕ

Академик М. П. Алексеев в публикуемом в настоящем издании исследовании «К истории метафоры „Театр мира” (по поводу статьи акад. Т. Виану)» писал: «В произведениях мировой литературы нередко можно встретить устойчивые поэтические формулы и уподобления, метафорические словосочетания и сравнения, которые кажутся давно устоявшимися, как бы затвердевшими в своей словесной формулировке. Иные из них давно уже стали традиционными, но все еще находятся в обращении, встречаются то там, то здесь, в книгах и обиходной речи, иные обветшали, стерлись, но сохраняют свою живучесть благодаря тому, что поддаются переосмыслинию, допускают возможность нового применения либо в изначальном виде, либо развернутые в поэтический образ».

Систематическое изучение подобных метафорических словосочетаний представляет, однако, значительные трудности. Гораздо легче догадаться об их происхождении, установить их языковые или стилистические функции, чем разместить в хронологическом порядке важнейшие случаи их употребления и построить из них исторические ряды, доступные историко-генетическому исследованию. Наблюдая их в известной искусственно построенной исторической перспективе, но забывая о реальных основаниях, породивших подобные представления, легко впасть в ошибку, принимая за тождество или близость этих уподоблений случайные аналогии между ними; трудно представить себе очертания эволюции таких уподоблений в ее мнимом единстве, не задумываясь над тем, имеем ли мы дело с явлениями

Л. А. Курышева

«КАЛИФ НА ЧАС»
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII ВЕКА.
ЗАМЕТКИ К ТЕМЕ

Крылатое выражение «Калиф на час», обозначающее человека, на короткое время наделенного властью,¹ тесно связано с историей сюжета на европейской почве, источником которого послужила средневековая арабская новелла. В составе сказок «Тысячи и одной ночи» этот рассказ был переведен А. Галланом на французский язык (1704–1717), русское издание вышло в переводе А. Филатьева в 1763–1774 годах.² В европейской традиции³ арабская новелла о купце Абу-л-Хасане-кутиле и Гаруне-ар-Рашиде называется «*Histoire du Dormeur éveillé*» и восходит к переводу Галлана («Пробудившийся от сна», «О спящем, который проснулся», в переводе Филатьева — «История о разбуженном спящем»⁴). В позднейших русских переводах, уже сделанных с арабского, в заглавии повести обязательно присутствует выражение «Калиф на час», так же именуется повесть и в русской арабистике.⁵ Вопрос о вре-

¹ См.: Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова. М., 1986.

² Les mille et nuit, contes arabes / Traduits en français par Mr. Galland. Paris, 1704–1717. Т. 1–12; Тысяча и одна ночь. Сказки арабские, переведены с французского языка [Алексеем Филатьевым]. М., 1763–1774. Т. 1–12.

³ См., например: Герхард М. И. Искусство повествования. Литературное исследование «1001 ночи». М., 1984.

⁴ Тысяча и одна ночь... Т. 9. М., 1769. С. 5–181.

⁵ См., например, издания «Тысячи и одной ночи» в переводе с араб. М. А. Салье: «Халиф на час, или Рассказ про Абу-ль-Хасана-кутилу»; «Рассказ об Абу-ль-Хасане кутиле, или Халиф на час» в работах И. М. Фильшинского. Ср. в исследовании М. Герхард — «История об Абу ал-Хасане, или Пробудившийся от сна».

мени появления крылатого выражения в русском языке следует считать открытым, однако известная нам самая ранняя фиксация — это название комической оперы князя Д. П. Горчакова «Калиф на час» (1786), которая была написана на основе филатьевского перевода.

К первому русскому переводу «Тысячи и одной ночи» следует отнести литературную традицию наименования «калиф», в то время как в современной русской арабистике принятая транслитерация «халиф».⁶

До перевода А. Галлана сюжет арабской новеллы опосредовано уже был известен европейскому читателю начиная по крайней мере с эпохи позднего Средневековья и Возрождения. Точкой же отсчета для русской литературы, по-видимому, следует считать рубеж XVII–XVIII веков. В настоящей статье нас будут интересовать непрямые пути проникновения сюжета в русскую литературу, поэтому сам перевод А. Филатьева, созданная на его основе пьеса Д. П. Горчакова и другие прямые отсылки к новелле из цикла о Гаруне-ар-Рашиде останутся вне поля нашего внимания.

I

Прежде чем обратиться к истории сюжета «Калиф на час» в русской литературе XVIII века, совершим небольшой экскурс в историю появления этого сюжета в европейской литературе.

Несмотря на то что действие разворачивается в Багдаде и одним из главных героев рассказа выступает халиф Гарун ар-Рашид (786–809), время возникновения средневековой арабской новеллы «Калиф на час» точно не определяется. Исследователи в равной степени допускают ее включение как в свод ранней багдадской редакции (X–XII вв.), так и в позднейшие корпусы египетских редакций (XII–XIII вв., нач. XVII в.) «Книги тысячи одной ночи».⁷

⁶ Так же как традиция написания Гарун-аль-Рашид и Харун-ар-Рашид. См. современные переводы арабских повестей, сказок «Тысячи и одной ночи» и исследования, посвященные арабской литературе и истории.

⁷ Фильшинский И. М. История арабской литературы X–XVIII в. М., 1991.

При испанском посредстве состоялось знакомство европейской цивилизации с арабской культурой.⁸ Поэтому неудивительно, что наиболее раннюю фиксацию этого сюжета в европейской литературе содержит одна из рукописей «Книги примеров графа Луканора и Патронио» (1335) Хуана Мануэля. До наших дней дошел всего лишь фрагмент новеллы, повествующей о том, как, прогуливаясь по берегу, царь находит мертвяка пьяного кузнеца и повелевает перенести его во дворец, а когда проснется — оказывать ему царские почести. Рукопись обрывается на описании застолья уже поверившего в свое царское достоинство кузнеца.⁹ Несмотря на отсутствие окончания, мы можем предполагать, какое направление собирался придать автор сюжету. Философско-нравственная квинтэссенция вынесена в заглавие «примера» — «О том, что слава этого мира проходит, как сон», т. е. по своей быстротечности и призрачности слава дальнего мира подобна сну. Подобную трактовку сюжета мы находим в одной из переведенных на русский язык польских фасций; они будут рассмотрены нами ниже.

Сюжет оказался близок теме «сновидения жизни», столь любимой авторами эпохи барокко. В частности, высокая драма Кальдерона «Жизнь есть сон» (*La vida es sueño*, 1635), в основе которой лежит другой восточный источник — история Варлаама и Иосафа, имеет тематические переклички с арабской новеллой.¹⁰ В ней прочно связавшийся с темой «сна жизни» сюжет о пробуждении героя в новом качестве символизирует прежнее пребывание человека в мире грез, внезапную утрату иллюзий и вновь сомнение в реальности.¹¹

⁸ Об этом см.: Смирнов А. А. Средневековая литература Испании. Л., 1969.

⁹ Хуан Мануэль. Граф Луканор / Пер. с исп. Д. К. Петрова. М.; Л., 1961. С. 187.

¹⁰ О возможном влиянии на драму Кальдерона арабской новеллы (помимо буддийской притчи) писал М. Кренкель в предисловии к изданию сочинений испанского драматурга: Кренкель М. Жизнь есть сон // Сочинения Кальдерона / Пер. и примеч. К. Д. Бальмонта. Вып. 2: Философская и героическая драма. М., 1902. С. 1–38.

¹¹ См.: Макогоненко Д. Г. Некоторые наблюдения над переводами пьесы Кальдерона «Жизнь есть сон» (Художественный перевод и историческое время) // Іберіка: Кальдерон и мировая культура. Л., 1986. С. 153–162; Пастушенко Л. И. «Жизнь есть сон»

В комическом ключе сюжет «Калиф на час» был освоен новеллой эпохи Возрождения, из которой он распространялся в виде коротеньких повестушек-фацетий. Напомним вкратце сюжет. Прогуливаясь, правитель (кесарь, император, царь) находит пьяного простолюдина. Он велит перенести пьяного во дворец, переодеть в царскую одежду, а когда проснется, обращаться с ним, как с облеченным наивысшей властью — отдавать почести и хорошо кормить. Обстановка и обращение убеждают простолюдина в том, что он значительное лицо. После обильной трапезы герой засыпает (его опаивают, либо он напивается сам). Властитель приказывает положить спящего пьяницу на прежнее место в старых одеждах. Проснувшись, герой не может понять — был ли то с ним сон или явь.¹²

Говоря о новелле Возрождения, необходимо упомянуть здесь еще об одной восточного происхождения легенде, мотивы которой зачастую включались в европейскую обработку «Калифа на час». Это известный в Европе со средневековья рассказ, называемый «О Старце горы» или «О рае Магомета», типологически близкий историям о чудесах в заморских странах и необычных нравах других народов. Его первую полную европейскую фиксацию содержит «Книга» (1298) Марко Поло.

Глава секты исмаилитов, называемый Старец Горы (Шейх-ал-Джебель), утверждает, что он обладает властью отворять рай, обещанный Пророком Магометом. Чтобы привлечь сторонников и добиться от них слепого повиновения, он устраивает в недоступном месте необыкновенный сад. Опоенных сонным питьем юношей переносят туда и в течение нескольких дней они наслаждаются изысканной едой, питьем и обществом прекрасных женщин. Затем, усыпленных таким же способом, их возвращают в мир. После пробуждения они считают, что побывали в раю и готовы умереть, служа Старцу. Отголоски этой легенды содержит сборник Новеллино (90-е гг. XIII в.). Новелла С («О том,

Кальдерона и «История жизни пройдохи по имени Дои Паблос» Кеведо // Там же. С. 75–84.

¹² Драматическую разработку этого сюжета содержит анонимная пьеса «Укрощение строптивой» (1594), на основе которой Шекспир создал одноименную комедию. В ней пьяницу-Сляя разыгрывает лорд. См. об этом: Кренкель М. Указ. соч. С. 13–14.

как император Фридрих пошел на гору Старца») повествует о том, какую безграничную власть имеет Старец Горы над своими сторонниками, но не описывает способа, которым тот добился беспрекословного повиновения.¹³ Схожие мотивы обманного пребывания в раю через опиавание героя сонным порошком имеет новелла гарун-аль-рашидовского цикла «История Ксаилуна, или Слабоумный».¹⁴ Отголоски этой арабской новеллы находим в одной из новелл «Декамерона» (III, 8) Боккаччо; так же в ней упоминается «порошок Старца Горы», которым усыпляют героя. Таким образом, на европейской почве в сюжет «Калиф на час» зачастую вплетается мотив обладания и утраты рая.

С XV века известен сообщенный Лодовиком Вивом (Vives) в одном из писем анекдот о Филиппе Добром, который автор называет «забавой и достопримечательной историей о сне жизни». Бродя по городу ночью, герцог Бургундский и Бельгийский Филипп Добрый находит пьяного простолюдина. «Желая на пьяничкe испытать суету нашей жизни», он проделывает с героем известную шутку. Проведя день в герцогских развлечениях, на вечерней пирушке герой упивается винами и крепко засыпает, после чего его перемещают на прежнее место. Проснувшись, герой задается вопросом, было ли то с ним в действительности или это был сон. Историю завершает резюме о быстротечности и суетности жизни: «В чем различие между сном этого человека и несколькими годами нашей жизни? В том только, что этот последний сон несколько продолжительнее: один длится час, другой длится десять часов».¹⁵ Прочнее этот сюжет оказался связан с другим историческим лицом: в популярных фацетиях в роли развлекающегося правителя выступает Карл V.

II

В русскую литературу сюжет «Калиф на час» пришел в конце XVII века через польское посредство в составе сбор-

¹³ Новеллино. М., 1984. С. 128, 302 – 303.

¹⁴ В ней героя спачала убеждают в том, что он в раю и преображен в ангела, затем, что он в аду и превращен в черта. См.: Кренкель М. Указ. соч. С. 6 – 8.

¹⁵ Цит. по: Кренкель М. Указ. соч. С. 10 – 12.

ников фацетий и имел рукописное распространение на протяжении всего XVII века. Согласно современным исследованиям, около 30 русских списков фацетий восходят к нескольким редакциям русского перевода польских фацетий.¹⁶ Источником фацетии о пьянице и кесаре Карле послужил, по-видимому, какой-то немецкий сборник; это следует из имени простолюдина – Ганус Шпилер.¹⁷ Поучительный смысл фацетии об императоре Карле вычитывается уже из ее заглавия: в древнейшем списке конца XVII века фацетия называется «О Кароле кесаре и обличении пианицы»,¹⁸ среди вариантов, которые дают списки середины XVIII века – «О цесаре Королусе, како пианство изобличи».¹⁹ Кесарь Карл не только развлекается, но и ставит эксперимент – возможно ли исправление пьяницы переменой участи, искушает пьяницу благополучием («...колико еже упиватися доброхотный цесарь Королус благоприятным вымыслом и искущением показа...»²⁰). Убежденный слугами в своем новом достоинстве, герой подражает поведению властителя: «нача дурити, по подобию великих глаголати и повелевать». Он не справляется с высокой ролью, оставаясь простолюдином во вкусах и привычках. Ему приносят «драгия яди», «но Ганус волил бы паче трескати кислую капусту с сельдьми или ретку с солью»; подносят кубок вина – «не по цесарку, но весь на лоб выворотил, по сем другой и третей». Дурная привычка берет верх: «Ганус же на новом цесарстве все охотно пил,

¹⁶ Державина О. А. Фацетии. Переводная новелла в русской литературе XVII века. М., 1962; Фацетии (Подготовка текста и комментарии С. И. Николаева) // Памятники литературы Древней Руси: XVII век. Кн. 2. М., 1989. С. 86 – 132, 597 – 600; Малек Э. Русская нарративная литература XVII – XVIII веков. Опыт указателя сюжетов. Łódź, 1996. С. 73 – 74. Там же библиография по этому вопросу. С. И. Николаев пишет о трех редакциях русского перевода польских фацетий, в основе которого, по данным Б. Вальчак, лежит перевод «Б 1503». Э. Малек упоминает две редакции перевода.

¹⁷ Державина О. А. Указ. соч. С. 36, 67.

¹⁸ РНБ, Q.XVII.12. Опубликована: Памятники литературы Древней Руси: XVII век. Кн. 2. М., 1989. С. 89 – 91 (Подготовка текста и комментарии С. И. Николаева).

¹⁹ Державина О. А. Указ. соч. С. 118 – 120. В основу публикации лег список БАН, 1.7.36.

²⁰ Рукопись БАН, 1.7.36. Цит. по: Державина О. А. Указ. соч. С. 120.

иже за столом и уснул». Проснувшись в прежнем виде, герой произносит:

«Аз воистину чаях, яко на яве в толикой чести был, а мне то все во сне снилось».

Заключительный виршевый стишок подводит итог:

«Таков пьяных есть разум и дело ... цесарь Королус... показа и вирши на сие приложены таковыя:

Человек пьяный, что ни чинит,
Во всех своих делах уподобляется свинии,
Ибо человек в чести сый не разуме
Прилагается скотом несмысленным в их уме».²¹

(В некоторых списках последнее двустишие отсутствует.)

Наконец, еще вариант о Карле V и пьяном крестьянине находим в составе других коротких новелл в печатном сборнике «Рассказчик забавных и увеселительных повестей», переведенном с латинского языка И. Тредиаковским (1777). Фацеция X называется «О рае пьяного мужика». Карл V находит безымянного пьяницу на дороге. Так же как и в рассмотренных выше вариантах фацеций, проснувшийся герой сначала принимает происходящее за сон («уже совершенно не спя, думал, что он во сне оное видит»), а затем принимается осенять себя крестным знамением, чтобы прогнать «духов нечистых». Сюжет редуцирован до богато накрытого стола: «А как наконец накрыт был стол, и крестьянин увидел наи приятнейшее кушанье, то, забыв рассуждать о том, каким образом такое щастие ему попалось в руки, принял за кушанье, повелительно приказывал рабам и требовал поспешнейших себе их услуг». Заключение анекдота не дает развернутой интерпретации и дидактический элемент в нем полностью отсутствует: «Прославши дурь, крепко спорил, что случившееся ему в королевском доме подлинно он видел во сне, и что оно не что иное было как *рай*».²² Расположенные рядом

²¹ Державина О. А. Указ. соч. С. 119–120.

²² Рассказчик забавных и увеселительных повестей. СПб., 1777. С. 9–10.

новеллы связаны тематически — о пьянстве («XI. О пьяных»), о рае («XII. О магометовом рае», «XIII. О рае адамитов»), о снах («XXVIII. Похвала сну», «XXXIII. О богатых во сне»); в двух последних сон назван «непокупным щастием»,²³ получением от бедности «мечтательной отрады».²⁴

Несколько особняком стоит фацеция «О пьяном мужике» из сборника середины XVIII века. Погодинского собрания.²⁵ Героями в ней выступают безымянные король и мужик. После пробуждения мужик произносит: «Мню, что мне было не приведение, но я истинно вчерась весь день был аки король, а ныне паки мужик ... мню, что мне пьяному творилося сновидение». Интерпретация сюжета в этой фацеции ближе к философской подоплеке анекдота о Филиппе Добром. Заключительные вирши толкуют сюжет как иллюстрацию к теме недолговечности земной славы, эмблематическим образом которой был популярный в средневековье образ Колеса Фортуны:

«Надо всеми нами то бывает:
Земная слава и честь, аки прах, исчезает.
День человека, аки цвет, разцветает,
А наутрие уведает и вскоре отпадает.
Честь, благородие и слава минется,
Красота, мужество и мудрость в ночь обратитца».²⁶

Фацеция «О пьяном мужике» из рукописи № 1777 Погодинского собрания представляет более развернутое повествование, нежели короткие новеллы об императоре Карле из рассмотренных выше рукописных сборников и печатного издания. Некоторым ее деталям находим параллели в анекдоте о Филиппе Добром. Как и герцог Бургундский, король находит пьяницу посреди площади. Совпадают события дня и занятия нового «короля». После пробуждения мужику предлагают выбрать, какое платье надеть; по принятии челобитных (этому эпизоду соответствия нет) новый король отправляется в церковь; затем следует обед и музы-

²³ Там же. С. 26.

²⁴ Там же. С. 30.

²⁵ РНБ, Пог. 1777, фацеция № 182. Опубликована: Малек Э. Указ. соч. С. 73–75.

²⁶ Малек Э. Указ. соч. С. 75.

кальный концерт (в истории, изложенной Вивом, простолюдин играет после обеда в карты с представителями знати), после обеда мужик забавляется «королевскими забавами» — «звериною ловлею» в садах и на «звериных дворах» (пьяничужка в роли герцога гуляет в парке и охотится в зоологическом саду); во время ужина все танцуют под музыку, мужик «по своему манеру тако ж танцовал и думал, что он все лутче танцует», а после пьют «превеликими пукалами ... крепкие напитки» (ужин лжегерцога сопровождают музыка и танцы, на котором «он изрядно упился отменными винами»).²⁷

В арабской средневековой новелле, рассказанной в сказках «Тысячи и одной ночи», Гарун ар-Рашид проделывает шутку над богатым купцем Абу-л-Хасаном несколько раз — дважды герой оказывается в роли калифа, приходя на грань помешательства. В европейской переработке новеллы сюжет сокращен до одного «превращения» в калифа. Важным моментом является то, что герои стоят на полярных ступенях социальной лестницы (кесарь и простолюдин, владеющий всем и нищий). Отечественные исследователи подчеркивают антидидактизм арабской городской новеллы как конститутивную черту этого жанра.²⁸ В фасциях сохраняется связь с жанром нравоучительных примеров (*exempla*). Дидактическая концовка является разработкой одной из популярных в средневековой литературе тем: сюжет иллюстрирует тему недолговечности земной славы, суеты жизни, либо служит обличению пьянства. Всплывающая с эпохи Возрождения в сюжет «Калиф на час» тема обладания и утраты рая решается только в комическом ключе.²⁹

²⁷ Цит. по: Кренкель М. Указ. соч. С. 10–12.

²⁸ Фильшинский И. М. Историческая почва «1001 ночи» // Герхард М. Указ. соч. С. 440–441. М. Герхард в своем исследовании осмысливает философскую подоплеку сказки в терминах «*engaño*» (мистификация) и «*desengaño*» (распознание обмана), потому что видит «более глубокое родство данной сказки с испанской литературой» (Герхард М. И. Указ. соч. С. 398).

²⁹ В поздней сказке «О мужике и Петре» царь Петр I таким же образом шутит над пьяницей: слуга в белых одеждах говорит пробудившемуся, что тот попал в царство небесное. Мужик просит принести водки, а очнувшись снова в грязи на дороге, считает, что «если бы не попросил штоф, то остался бы в раю». См.: Державина О. А. Указ. соч. С. 91.

III

Мы рассмотрели бытование сюжета «Калиф на час» в русской демократической литературе XVIII века, которое прочно оказалось связанным с предшествующей литературной традицией. Другая линия европейского развития сюжета «Калиф на час», нашедшая также отклик в русской литературе, связана с выходом в свет перевода А. Галлана сказок «Тысячи и одной ночи» и вдохновлена эстетикой рококо. Среди новых жанров, культивируемых французской салонной культурой, — мадrigал и повесть-сказка. В обоих жанрах Вольтер использует сюжет известной арабской новеллы.

Свой мадrigal Вольтер адресовал принцессе Ульрике Прусской (Madrigal à la Princesse Ulrique de Prusse, «Souvent un peu de vérité...», 1743, впервые напечатан в «Bibliothèque des gens de cour»). В лирическом сюжете мадригала аккумулированы основные моменты рассматриваемого инварианта сюжета, поэтому приведем его здесь полностью:

Souvent un peu de vérité
Se mêle au plus grossier mensonge.
Cette nuit, dans l'erreur d'un songe,
Au rang des rois j'étais monté.
Je vous aimais, princesse, et j'osais vous le dire!
Les dieux à mon réveil ne m'ont pas tout ôté;
Je n'ai perdu que mon empire.³⁰

Подстрочник:

Часто немного правды
Смешивается с более грубой ложью.
Этой ночью в мареве сна
Я поднялся в ряд королей.
Я Вас любил, принцесса, и я дерзнул Вам это сказать.
С моим пробуждением боги не лишили меня всего.
Я потерял только мою империю.³¹

³⁰ Voltaire M.-Fr. Poésies / Sous la direction de Charles Dantzig. Choix, introduction et notes de Gwenaëlle Boucher. Paris, 2003. P. 407.

³¹ В русской литературе этот мадригал вызвал многочисленные переводы и подражания, в том числе — «Сновидение» А. С. Пушкина.

Как мы видим, в рассматриваемом инварианте сюжета «Калиф на час» основное действие перенесено в пространство сна, нет развлекающегося правителя и все, что происходит с героем, происходит с ним во сне. Другой важный момент заключается в появлении любовной темы: во сне герою кажется, что он не только властитель империи, но и обладатель прекрасной королевы; с пробуждением он теряет и власть, и красавицу. Дистанция, которая в рассмотренном нами выше «классическом» варианте сюжета лежит между социальной ролью героя и той, которую он вынужден играть, усиlena в новом варианте появлением любовной линии и невозможностью, казалось бы, адюльтера между высокородной госпожой и героем.

Необычна история перевода на русский язык вольтеровской повести, в основе которой лежит рассматриваемый нами сюжет. Созданное по ее мотивам русское произведение имело значительный отклик в отечественной литературе. В 1783 году в числе других повестей оригинального сборника «Русские сказки» В. А. Лёвшин поместил «Досадное пробуждение».³² Образцом для нее послужила повесть из немецкого издания «Bibliothek der Romane» (три тома которого Лёвшин перевел на русский язык в 1780 году) «Usern Glück ist ein Traum»³³ (в русском переводе — «Наше счастье есть сновидение»).³⁴ Имя автора повести «Usern Glück ist ein Traum» из немецкого издания названо не было, в предисловии было сообщено только, что она «сочинена во Франции от славного мужа в обществе Принцессы**», где за всякий проступок платили

кина (1817). Известно три перевода мадrigала на русский язык XVIII века: апоимпий «Сон, писанный к одной княжне» (Смесь, 1769); Пап. Сумарокова «Сон Вольтеров к одной знатной госпоже» (Иртыш, превращающийся в Иппокрену, 1790, № 4); Г. А. Хованского «Сон Вольтера к некоторой великой Принцессе» (Мое праздное время, или Собрание некоторых мелких сочинений и переводов в стихах князя Григория Хованского, 1793). См. об этом: Материалы для словаря русских писателей, собираемые Сергеем Полторацким. М., 1858. Т. 1. Тетр. 1. Русские переводчики Вольтера.

³² Лёвшин В. А. Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях, сказки народные, и прочие оставшиеся через пересказывание в памяти приключения. М., 1783. Ч. 6. С. 265–286.

³³ Bibliothek der Romane. Berlin, 1778. Bd. 2. S. 249–260.

³⁴ Библиотека немецких романов. М., 1780. Ч. 2. С. 287–301.

выдумкою сказки».³⁵ Повесть-сказка из немецкого издания — дословный перевод повести Вольтера «Кривой разносчик» (*Le crocheteur borgne*).³⁶ Впервые эта повесть была рассказана Вольтером в 1746 году в литературном обществе герцогини дю Мэн. Существует две редакции повести и в некоторых эпизодах варианты отличаются друг от друга существенно.³⁷ После сравнения с французскими редакциями стало ясно, что немецкий перевод восходит к редакции, опубликованной в мартовском номере «Journal des dames dédié à madame la Dauphine» за 1774 год (S. 11–24). Пока осталось не выясненным, восходит ли скрывающее имя автора заглавие и предисловие немецкого перевода к французскому изданию. Таким образом, повесть Вольтера в редакции 1774 года опосредованно, через немецкое издание стала известна русскому читателю в 1780 года.³⁸

³⁵ Продолжение рассказывает о развлечениях этого общества: «Таковы были рассуждения общества Баалова, чтение некоторых стихов о Шапеленовой отроковице, также читает одно общество в Вене внаказание **вы стихи» (С. 287). Немецкий оригинал: «Diese Erzählung wurde in Frankreich von einem berühmten Manne, in einer Gesellschaft bei der Prinzessin von **, wo jedes Versehen mit einem Märchen aus dem Stegreife gebüßt werden musste. So war das der Gesellschaft des Boileau, die Lektüre einiger Verse in Chapelains Pucelle, und so lass eine Gesellschaft zu Wien, zur Strafe, **s Gedichte» (S. 249).

³⁶ В диссертации Л. В. Омелько отмечено, что «Досадно пробуждение» создано на основе переведенной с немецкого повести, однако последняя ошибочно прямо возведена к «Рассказу о любителе хашшиша» из сказок «Тысячи и одной ночи». См.: Омелько Л. В. В. А. Левшин и его «Русские сказки». Дис. ... канд. филол. н. ЛГПУ, 1991. С. 147.

³⁷ История создания и публикации этой повести такова. Повесть была сочинена и рассказана Вольтером в 1746 году в литературном обществе «Mouche à miel» герцогини дю Мэн (Anne-Louise-Bénédicte de Bourbon-Condé, duchesse du Maine) в качестве уплаты штрафа в игре и не предназначалась для публикации. В 1774 году в мартовском номере «Journal des dames dédié à madame la Dauphine» была опубликована другая версия повести. В своей первоначальной редакции «Кривой разносчик» вошел в издание Бомарше посмертное полное собрание сочинений (1779–1784) Вольтера. См.: Voltaire M.-Fr. Bibliographie de ses œuvres par Georges Bengesco. T. I–IV. Paris, 1882–1890. Т. I. Р. 434–435; Helleguarc'h J. Mélinade ou la duchesse du Maine. Deux contes de jeunesse de Voltaire // Revue d'histoire littéraire de la France. 1978. Р. 722–735.

³⁸ Библиографический указатель «Вольтер в России. 1735–1995» (М., 1995) первый перевод повести Вольтера «Кривой по-

Мы сравним переведенную В. А. Лёвшиним с немецкого вольтеровскую повесть и созданную на ее основе оригинальную повесть «Досадное пробуждение». Поскольку Лёвшина-переводчика отличала точность и добросовестность, при сопоставлении мы будем пользоваться его русским переводом, а при необходимости обратимся к французскому оригиналу или немецкому источнику.

Кратко напомним содержание вольтеровской повести. Это прозаический аналог лирического сюжета мадrigала. Непривлекательный простолюдин, кривой багдадский разносчик Мезур обморочен сном после попойки. Во сне ему является прекрасная госпожа на колеснице и, влюбленный, он следует за ней. Сравнение внешности не в пользу Мезура. В миг опасности Мезур спасает жизнь принцессе Мелинаде. В дороге их застигает ночь, к радости его спутницы совершается необыкновенное преображение героя в красавца. Они перенесены в волшебные чертоги, духи прислуживают Мелинаде и Мезруру (теперь повелителю волшебного кольца). В апогее счастья герой разбужен ушатом холодной воды и находит себя в прежнем положении — одноглазым разносчиком в старых одеждах.

В редакции 1774 года сон героя предваряет ложное пробуждение, более резко обозначены границы обморочения героя сном через находку волшебного кольца в начале сновидения и комическую кульминацию поклонения «господину кольца» в конце, в деталях отличается переход к неожиданному финалу. Наконец, в самом сне отсутствует пикантная кульминация проведенной героями ночи — в журнальной публикации 1774 года герои всего лишь засыпают и пробуждаются.

Хотя сюжет «Калиф на час» в переработанном виде распространился в Европе задолго до перевода Галлана, очевидно, что именно знакомство со сказками «Тысячи и одной ночи» стало источником вдохновения автора «Кривого разносчика». Не случайно место действия — Багдад, имя Мезур (в «Сказках тысячи и одной ночи» — это имя

сильщик» на русский язык датирует 1805 годом (в составе «Полного собрания всех доныне переведенных на Российской язык и в печать изданных сочинений г. Вольтера», ч. 1—5, М., 1802—1805, ч. 4, с. 1—11). Этот перевод восходит к изданию Кейля — редакция повести 1747 года.

главы евнухов при дворе калифа Гаруна ар-Рашида и одного из действующих лиц рассказа «О пробудившемся от сна»), подражание арабскому — имя Мелинада³⁹ и восточный антураж повести. Видимо, на повесть «Кривой разносчик» также оказала влияние «История о любителе хашиша» (вариант названия — «Рассказ о чистильщике и женщине») из сказок «Тысячи и одной ночи». В нем рассказывается о том, как прекрасная госпожа исполняет клятву разделить трапезу и ночь с самым грязным и неряшливым человеком города; им оказывается курильщик хашиша, занимающийся самой низкой работой в городе. Кроме пристрастия к «напитку забвения» и низкого социального звания, героя повести Вольтера с любителем хашиша сближает намек на адюльтер Мезура с прекрасной госпожой.

Выражением крайней степени обделенности героя становится телесный недостаток. Обыгрывание ущербности героя, постоянный подсчет количества глаз создают в повести дополнительный юмористический эффект: «...увидел он в преогромной колеснице мимо едущую знатную Принцессу, у которой был лишний противу его глаз; но сие не мешало найти оную очень прекрасною, и понеже кроме сего между кривым и другим человеком нет разноты, как только в числе глаз, то влюбился он в нее без памяти. Может быть тут зделают возражение, что не должен влюбляться разнощик и кривой, а всего меньше в великую Принцессу и к тому же имеющую два глаза» (С. 289—290).

В любовном объяснении Мезур обыгрывает физический недостаток в свою пользу, в ответ на благодарные заверения Мелинады он произносит: «...я ... должен вам то же предлагать, не взирая, что я *меньше предложить могу*, ибо у меня только один глаз, а вы имеете оных два; *однако же один глаз, который вас видит гораздо дороже, кои вас не видят*» (С. 292).

Телесный недостаток героя обусловливает, по Вольтеру, его позитивную жизненную философию. В самом начале повествования автор выдвигает парадоксальный, на первый взгляд, тезис об особом счастье кривых, а затем

³⁹ Zoppi S. Louise-Bénédicte de Bourbon, Princesse de Condé et Duchesse du Maine (1676—1753) // www.publifarum.farum.it (Р. 10—11).

доказывает его историей Мезрура. Обычное зрение и аномалии зрения (взирание на мир одним глазом, слепота) становятся метафорой отношения к жизни. Повесть начинается следующими словами:

«Два глаза не делают состояния нашего лучшим, мы видим одним доброе, а другим злое жизни. Многие люди имеют дурное обыкновение закрывать один глаз, и очень не многие замыкают второй: от того-то некоторые желают быть совсем слепы, чтоб не все видеть, что видеть должно. *Блаженны кривые! они не имеют худаго глаза, повреждающего все, на что взирает.* Мезур есть пример всему» (С. 287–288).

В шутливой форме автор предлагает своей аудитории решить философский вопрос о природе человеческого счастья, о том, зависит ли счастье человека от социального положения, богатства и красоты:

«Должно быть слепу, есть ли не видеть, что Мезур был крив. Он родился так, *но так доволен своею судьбою*, что не желал больше одного глаза. Хотя никакия дарования щастия не награждали ему несправедливость природы, ибо он составлял только разнощика и не имел богатства, кроме своих плеч; *однако был щастлив* и доказал, что малой труд и лишний глаз к благополучию очень не много пособствует» (С. 288).

Несмотря на то что с пробуждением Мезур утратил кольцо властителя духов и принцессу, герой не предается отчаянию и знает, как возвратить потерянное:

«Досель любил он вино из лакомства, а тогда начал любить из признания и возвратился радостно к своим трудам с твердым вознамерением употреблять мзду работы своей на средство увидеть свою возлюбленную Мелинаду. Другой с печали не допустил бы себя быть кривым, имевши уже пару таких прелестных глаз, сносить насмешки женщин багдадских, после того как прекраснейшая принцесса

ощастливила нас оказиями своей благосклонности, и приносить услуги всем багдадским обывателям, нося венец Короля духов. Однако же Мезур не имел глаза, видящего худую сторону вещей» (С. 300–301).⁴⁰

Отныне каждый вечер герой утешается ликером (в русских переводах — вино, водка) как средством оказаться снова, хотя и во сне, красавцем, повелителем духов и возлюбленным принцессы. Однако блаженство кривых, которое состоит в том, чтобы примиряться с ирреальностью сна, не всем доступно. В редакции 1774 года повесть завершается следующей сентенцией:

«Combien de gens seraient heureux, s'ils oubliaient aussi facilement les songes agréables que la fortune leur a fait faire!»

«Ах! сколь бы щастливы были некоторые люди, если бы они столь же легко могли забывать приятные сновидения, мечтаемые им от щастия» (С. 301). (Перевод В. А. Лёвшина).

Во французской повести, как и в ее немецком переводе, сохранялась смысловая игра, на основе двойных значений слов *songe* (фр.) и *Traum* (нем.) — ‘сновидение’, ‘мечта’. Судьба посылает людям «приятные сны-мечты» (*les songes agréables*), наше счастье — это одновременно и посылаемый судьбой сон, и недостижимая мечта.

Положив в основу повести анекдотический сюжет, автор предлагает читателю его морально-дидактическую трактовку, которая придает комическому сюжету философский оттенок.⁴¹ Хотя, в конечном итоге, Мезур не мо-

⁴⁰ На этом заканчивалась редакция 1747 года.

⁴¹ Об отличительной черте «легких» жанров салонной культуры рококо — иронической двуплановости, которая проявлялась в сочетании дидактизма с пародией на дидактику, волшебства с рационализмом и ироничным осмысливанием литературного канона, фривольной развлекательности с морализмом см.: Козлов С. Л. Проблема рококо и французское литературное сознание XVII – XVIII вв. Автореф. ... канд. филол. н. М., 1985. См. также: Гайдукова А. Ю. Сказки Шарля Перро: Приметы времени. Автореф. ... канд. филол. н. СПб., 1998.

жет быть примером всем, к чему шутливо призывает автор в начале повести, в силу своего маргинального, исключительного «дара» кривизны, а удел всех обычных людей — сначала увлекаться пустыми мечтами и сновидениями, грезить о счастье, а затем разочаровываться.

Легкий восточный колорит, характерный для французской повести-сказки, полностью уходит в лёвшинском «Досадном пробуждении». Повесть наполнена бытовыми реалиями современной эпохи: действие происходит в приказе, где герой служит подъячим. Пропозиция, характеристика героя и сюжетная канва «Досадного пробуждения» полностью совпадают с вольтеровской повестью.

Согласно автору «Кривого разносчика» и вторяющему ему автору «Досадного пробуждения», две силы могут способствовать благополучию человека — природная одаренность и прихотливая судьба. Главные герои французской и русской повестей одинаково обойдены природой и счастьем:

(Вольтер)

«...Никакие дарования щастия не награждали ему несправедливость природы» (С. 288).

(В. А. Лёвшин)

«Природа не всех равно награждает своими дарами: один получает от неё великий разум, другой красоту, третий способность к предприятиям, и так далее; но бедный Брагин забыт был равно от природы, как и от щастья» (С. 265).

По социальному положению, бедности и непривлекательности герой «Досадного пробуждения» Брагин подобен герою Вольтера Меззуру:

(Вольтер)

«Должно быть слепу, есть ли не видеть, что Меззур был крив... он составлял только разношника и не имел богатств, кроме своих плеч» (С. 288).

(В. А. Лёвшин)

«Он произшел на свет человеком без всяких прикрас: вид его неplenял, разуму не дивились и богатству не завидовали. Он не имел еще дома, хотя прожил на свете 40 лет, и по

всем обстоятельствам не было надежды, чтобы удалось ему носить кафтан без заплат» (С. 265—266).

Как и его прототип, Брагин ведет незамысловатый образ жизни, живет сегодняшним днем, не задумываясь о грядущем:

(Вольтер)

«...он работал утром, а ел и пил ввечеру; он спал покойно ночью и взирал на каждый из своих дней, яко на особливо отделенную жизнь: почему забота о будущем утре не возмущала наслаждения его в настоящем. Словом, он был, как вы слышите, вкупе философ, разнощик и кривой» (С. 288—289).

(В. А. Лёвшин)

«Он сидел в приказе, утром писал, день пил, а ночью просыпался ... по особливому его щастию ... ирой наш был всегда с похмелья ... так Брагин, ничего не ожидая от времени, привык к своей участии: писал, выписывал и пропивал исправно» (С. 266);
(в новых обстоятельствах герой произносит:) «Прежде век мой тек своею дорогою, мне до него дела не было, а теперь помышляю я о том, что со мною будет впредь» (С. 273).

Утешением обоим служит вино:

(Вольтер)

«Досель любил он вино из лакомства, а тогда начал любить из признания и возвратился радостно к своим трудам с твердым вознамерением употреблять мзду работы своей на средство увидеть свою возлюбленную Мелинаду» (С. 300—301).

(В. А. Лёвшин)

«Я пью вино ... для того, что вкус онаго мне нравится. Многие пьют кровь своих близких ... а я друг близким моим ... Будь проклят секретарь, и здравствуй любезное вино! Мы с тобой никогда не расстанемся» (267—268).

Оба героя не сетуют на судьбу и довольствуются малым:

(Вольтер)

«Он родился так, но так доволен своею судьбою, что не желал больше одного глаза. Хотя никакие дарования щастия не награждали ему несправедливость природы ... однако был щастлив» (С. 266–267).

Необычный сон посещает героев Вольтера и Лёвишина после попойки, начинается он с ложного пробуждения героя и встречи с высокородной красавицей:

(Вольтер)

«Некогда вставши ранее обыкновенного, понеже ... весьма любимый им напиток накануне ... принудил его ранее лечь, увидел он ... нечто блестящее под ногами ... лишь только вздел он сие кольцо на палец, увидел он в преогромной колеснице мимо едущую знатную принцессу» (С. 289).

В образе прекрасной госпожи в повести Лёвишина в приказ приходит сама Фортуна, которая вспомнила о несчастном Брагине:

«Я давно тебя ищу, но всегда неудачно, время твое так хорошо разделено, что почти никогда тебе и переговорить со мною ... Я пришла ... узнать тебя, подлинно ли ты в таковом бедном состоянии и так равнодушно сносишь то, что щастие о тебе не вспомнит ... я сама богиня щастия и могу переменить судьбу твою» (С. 268–271).

(В. А. Лёвишин)

«Казалось, что судьба никогда о нем не вспомнит, ибо Брагин не кликал ее ни жалобами, ни досадою, ни благодарностию, однако дошла очередь учиниться ему благополучным» (С. 288).

(В. А. Лёвишин)

«В одну ночь после протяжного гуляния, когда уже начальник его секретарь определил отдохнуть ему в железах, досадовал он ужасно противу несправедливости ему оказанной ... вдруг видит он входящую прекрасную госпожу» (С. 267–268).

Герой повести Лёвишина получает от богини счастья волшебную шапку, которая исполняет желания. Оказавшись на городской площади, Брагин решает испытать подарок Фортуны: «...я с похмелья, кабак близко, изрядно, я желаю, чтоб везде поили меня безденежно» (С. 272). После того как осуществилось его первое желание, «тысяча приятелей собрались вокруг него, шли за ним, и пользовались его щастием», однако, к огорчению, поняв, что «хмель над ним не действует» (С. 272–273), герой задумывается о своем будущем и загадывает новое желание, которое по-другому поможет ему достичь легкой и веселой жизни:

«Я пью для того, чтобы опалеть ... но когда пил я целый день храбро, и по сих пор еще не пьян, зачем же пить? ... Но чего же мне желать? Все состояния в свете толь для меня не завидны, что я из оных не изберу, в котором можно бы жить спокойно. От вышняго чина до нижняго всякое наполнено сует, беспокойств и опасности. Вышим завидуют, нижних притесняют, а я не хочу быть ни притеснителем, ни притесненным... Однако, есть одно, в котором может быть проживу я весело. И так я желаю обратиться в красавца» (С. 273–274).

Преображению Мезрура способствуют волшебные силы, власть которых простирается только в границах сонного наваждения:

«Между тем духи, друзья человеков, работали щастием нашего криваго и Мелинады. Сия красавица вдруг очутилась перенесенная в очарованное место с молодым мущиною» (С. 297).

Во сне Брагина обращает в красавца обманное счастье, любимцы которого наяву пользуются его расположением:

«Таковое-то превращение воспоследовало от щастия благополучному Брагину, и дозволило ему обычное право, коим пользуются его любимцы, то есть желать и видеть желаемому исполнение» (С. 277).

В описании внешности преобразившегося Брагина, как и «нового» Мезрура, недвусмысленно проступают черты самого Амура, сопровожденное всеми атрибутами лукавого бога:

(Вольтер)

«Его прелестный стан и его лицо, уподобляющееся планете, которая возвращения с нетерпением свет ожидает, привлекли на себя все ея внимание. Цвет свежих роз на его щеках и живость больших глаз впечатляли сладкое ощущение любви. Золотый колчан висел за его плечами и победа казалась всегда провождающей его стрелы. Зефирь играли его длинными кудрями, соединенными бриллиантовою перевязкою и прозрачный жемчугом вышизанный штоф, составлял его одеяние» (С. 297).

Ср. прежний вид Мезрура рядом с принцессой:

«Она имела на себе платье из легкой серебреной парчи с цветами, показывающее красоту ея стана во всем онааго блескании, а он только крапивного цвета камзол, весь в пятнах, в дырах и заплатах, и притом в таких заплатах, что прорехи и заплаты представляли точные шахматныя доски, а сверх того дыры и заплаты не были на тех местах, где

(В. А. Лёвшин)

«В то мгновение багровый и угреватый нос его учинился наилучшим из всех бывших некогда в чести у римлян.. Сывороточные его глаза обратились в пару черных блистающих очей, коих взоры *острее стрел проницают до сердца* ... Синеватыя и опухлыя его губы уступили маленьkim улыбающимся розовым устам, коим никогда не дозволяют быть в праздности. Смесь паросского мрамора, снега, лилеи и развивающейся розы вступила на смуглый и в приличных местах рдевшийся цвет лица его. Исчезли в зубах щербины ... тут были уже два ряда зубов, кои не стыдно показывать с намерением, и кои придают прелесть не кстати начатому смеху. Чтобы не забыть о волосах, оные сделались подобны некрашеному шелку, и зефир постарался закрутить оные в прелестнейшие локаны, чтоб удобнее мог отыхать и играть во оных. ... Щедрое щастие не забыло и о его летах: сорок проведенных без внимания годов разделены пополам ... Не можно истинного

бы оным собственно состоять надлежало, он сравнивал свои жоския и корою мозолей покрытыя ручищи с двумя маленькими ручонками, нежностию и белизною оспоривающими лилии. Мелинадины прекрасные светлые волосы сияли сквозь флер ея покрывала и были завиты буклями и локонаами, а Мезруровы черные склокоченные и хохлатые волосы не имели другого украшения, кроме осипанного турбана» (С. 294—295).

Любование Брагина своим отражением в токе реки прерывает появление «разряженной в прах девицы, и притом прекрасной и молодой» (С. 278). Жалобы на безразличие героя к ее чувствам, любовные признания Брагину приобретают переносный смысл в свете того, что это сама богиня Счастья в новом образе:

«О, жесткий красавец! ... Весь свет ищет моей благосклонности, а твое каменное сердце нечувствительно. Ни один монарх не презирал еще ласковых моих взоров, а ты равнодушен в то время, когда я теснейшим союзом хочу с тобой соединиться» (С. 278).

Влюбленный Брагин, «новый Адонид», не понимает, что речь идет о нем:

«„Какой варвар ... мог привести тебя в сие состояние? О естьли бы только я удостоился одного твоего нежнаго взора, вся жизнь моя посвящена была бы любви моей... Я не говорю обожать тебя, ибо я женился бы на тебе! — ... Для чего ж ты неблагодарный медлил? Для чего доводил меня до отчаяния? — Государыня моя! Я не видал вас никогда. — Никогда, неблагодарный! Ты не знаешь боги-

нию щастия, которая училила тебя наилучшим мущиною и требователем всех сокровищ света? — О богиня, я виноват, но я исправлюсь” — вопиял Брагин и целовал ея руки, щастье ему не препятствовало» (С. 280—281).

Принцесса Мелинада отвечает взаимностью преобразившемуся герою:

«Мелинада ... в чрезмерности благодарила богов за дар ... Мезруру ... Она не могла удержаться, чтоб время от времени не бросать украдкою взглядов на своего водителя, которой со стороны своей не был уже больше крив, и обоими глазами тянул на себя влюбленные взоры Мелинады» (С. 298).

Герой повести Брагин готовится стать полным обладателем счастья:

«Щастие согласилось сочетаться браком с благополучным Брагиным ... Богиня подала руку своему любовнику, вскочили и помчались резвее ветра в царство щастия» (С. 281—282).

Избранныков принимает волшебный дворец, в котором господина Кольца, Мезрура, ждет присяга духов, а Брагина — свадебный пир. Сравним описание оказанного им приема:

(Вольтер)

«Оба они пришли к преогромным палатам ... Наши очарованные вступили при пении тысячи голосов и со гласии безчисленных музыкальных орудий, через двор усланный паросским мрамором в великолепный зал, где ожидал их уже сто лет стол, уставленный избраннейшими явствами, и благодарение осторожности духов!.. ни одно блюдо еще не

(В. А. Лёвшин)

«Дворец, горящий по тешными огнями, им представился; звук разных музыкальных орудий, тысячи певиц и танцовщиков встретили их у ворот онаго. Брагин видел, что судьи приказа, в коем он некогда находился, и на коих тогда не смел взирать без трепета, были тут только приворотниками и кланялись ему в землю. Двери в покоях от-

простыло. Мезрур и Мелинада сели кушать, прислуживала тысяча невольников восхитительной красоты. В продолжении стола танцы и концерты переменились порядочно, а как откушали, появились все духи столько же богато, как и со вкусом одетые, с величайшим устройством и разными толпами вручили присягу верности господину Кольца» (С. 298—299).

На этом частном сопоставлении мы может видеть, как ирреальность сна в повести Вольтера маркируется топикой волшебной сказки, которая затем оказывается разрушенной или, по крайней мере, иронически осмысленной. В отличие от пира в повести Вольтера, наряду с духами, Брагину, внезапному любимцу счастья, присуживают судьи приказа и вельможи, а на блюдах подают деньги, знаки отличия, титулы. В повести Лёвшина пир во дворце счастья аллегорически изображает общество и принципы распределение в нем благ:

«Когда новобрачные сели за стол, тогда ... вошло множество людей, кои по данному от богини знаку заняли порожния стулья. Гости сии были различного вида: одни представляли совершенных ироев, другие добродетельных и набожных, но большая часть казались быть наглыми забияками. С блюд раздавала сама богиня зажмурясь; от чего произошло, что добродетельным достались одни только бумажки; мало ироев получили с первых блюд; забияки расхватали все, что к ним было близко, а набожные удовольствовались деньгами. Вскоре потом между гостями сделалась драка, смелые зачали срывать друг с друга шапки и толкать с стульев; ирои их унимали. Но все бы не помогло, если бы богиня не приказала подать напитка, называемого забвение себя» (С. 283—284).

воряли вельможи; духи и волшебницы готовились прислуживать при столе, наполненном вместо еды блюдами с коронами, с разными перевязками, с червонными бумажками, на которых написаны были все употребительные в свете титлы» (С. 282—283).

Шире, весь сюжет сна Брагина — встреча с прекрасной госпожой, женитьба на ней — строится как реализации языковых метафор, обозначающих взаимоотношения человека с переменчивой фортуной. Герой *вверился счастью*: «Брагин, занятый в воображении своем благоденствием, не помышлял ни о чем, кроме достижения, и *безопасность свою вверил счастью*» (С. 282). На пиру *слепая фортуна* раздает почести и блага.

Еще одна сюжетная рефлексия связана с выражением *ловить счастье*. Взаимные объяснения героев в любви происходят на берегу речки, на что автор замечает: «Сему происходит надлежало, конечно, не у речки, хотя, впрочем, *счаствие ловить* позволено во всяком месте». На игре прямого и переносного значения строится следующий эпизод. На свадьбе богиня обращается к своему супругу:

«„Теперь оставим мы гостей... ты можешь совершенно *пользоваться твоим щастием*, — *примолвила* она, застыдившись, — но сие требует старания. Я побегу, ты достигай меня, и *естъли поймаешь*, тогда...” — Богиня не докончила, она вскочила из-за стола и побежала как заяц. Брагин пустился вслед за нею, достигал и, выбившись из сил, упал, задохнувшись. — „Не убился ли ты, красавец, — кричала богиня, подходя к нему”. Брагин не мог выговорить ни слова; она бросилась к нему и начала его целовать. — „А! теперь уже ты не вырвешься, я *поймал мое щастие*”, — сказал он, схватя ее в объятия и прижал к груди своей...» (С. 284—285).

В конечном итоге, Брагин *обманут счастьем*, которое в прямом и переносном смысле подложило герою свинью. Внезапно следует пробуждение:

«„Что за черт валяется?” — кричал один из дозорных к человеку, лежащему в грязи и схватившему за ногу свинью. — Это был почтенный супруг щастия, жалости достойный Брагин, который ввечеру возвращаясь из кабака, упал в лужу и почивал бы спокойно во оной до света, естьли б *свинья* по обонянию не добралась к нему и *не досталась ему в объятия*, тронув губы его своим рылом» (С. 285—286).

Ср. пробуждение Мезрура:

«В сие мгновение выплеснула багдадская девка в окно помои; бедный человек, коему угольный камень дома служил возглавием, и лежащий в глубоком сне, был окочен с ног до головы и проснулся. Это был жалости достойный Мезрур, возвратившийся водою из своего очарованного жилища и утративший дорогою Соломоново кольцо ... и к величайшему нещастию дорогою обронил он и новый свой глаз» (С. 299—300).

В повести Лёвишина сон выступает не в качестве «обморощения чувств» героя, а как иносказание, аллегория. Сама повесть приобретает черты сатиры на общественные порядки. Сатирическим пафосом проникнута речь Брагина в защиту винопития («Я пью вино ... Многие пьют кровь своих близких ...») и челобитная Фортуны:

«Фортуна, которую по простонаречию называют *щастием* и приписывают ей *раздаяние человеческих участий*, по справкам своим нашла, что она не участвовала в переменах состояния некоторых людей, и которые клепают ее в полученной милости напрасно, просит особ, коим вверено попечение о правосудии, разсмотреть ... и решить следующие ея вопросы:

Отчего набогащаются те, коим государь ничего не жаловал ... а были только у порученных должностей?» (С. 269—270).

Для повести Лёвишина, как и для ее французского источника, ключевой стала тема счастья. Однако авторы по-разному подходят к освещению темы. Философско-дидактическая сентенция, вынесенная в заглавие немецкого перевода «Кривого разносчика», — «Наше счастье есть сновидение» (*Unser Glück ist ein Traum*) — означает и эфемерность Фортуны (успеха, везения), и недостижимость внутренней гармонии с собой (счастье как внутреннее состояние). Последнее для Мезрура возможно в силу его маргинальности («Однако ж Мезрур не имел глаза, видящего худую сторону вещей; доволен своею судьбою!»), он довольствуется малым, легко примиряется с несбыточностью мечты. В отличие от французской повести в повести Лёвишина счастье выступает только в значении Фортуны

(случая, благоволения судьбы, социального успеха, обладание благами мира). В подтверждении этого приведем заключительные слова обеих повестей:

(Вольтер)

«Ах! Сколь бы щастливы были некоторые люди, если бы они столь же легко могли забывать приятые сновидения, мечтаемые им от щастия» (С. 301).

(В. А. Лёвшин)

«Из сего видно, что счастье не всем дозволяет ловить себя въяве; многие видят оное только во сне, хотя впрочем существенность оного на свете сем зависит от воображения» (С. 286).

Философский потенциал арабской новеллы и ее европейской обработки обеспечил постоянное возвращение к этому сюжету совершенно разных эпох — от Средневековья и Возрождения до Просвещения. Каждый раз идейным наполнением сюжета становилась популярная тема (например, обличение пьянства) или, часто, связка философских аналогий (Земная Слава есть Сон, Жизнь есть Сон, Счастье есть Сон). В XVIII веке новый виток в обработке сюжета связан с включением в сюжет любовной линии и трактовки сюжета как обладание счастьем во сне.

Лёвшинская обработка вольтеровской повести имела отклик в русской литературе XIX века. По-видимому, «Досадное пробуждение» повлияло на замысел «Шинели» Н. В. Гоголя.⁴² Выскажем также осторожное предположение о том, что получивший развитие в русской литературе XIX века «чиновничий» сюжет, в котором герой мечтает удачно жениться и разбогатеть, строит планы и готовится, а затем все это оборачивается прахом (герои Ф. М. Достоевского), имеет отношение к развитию сюжета «Калиф на час» на русской почве. Однако эта тема требует тщательной разработки и остается за рамками нашего исследования.

⁴² Прямые и косвенные совпадения сюжетных поворотов, мотивов, характеристик персонажей В. А. Лёвшина и Н. В. Гоголя рассмотрены в статье Т. Е. Абрамзон: *Абрамзон Т. Е. «Досадное пробуждение» В. Лёвшина и «Шинель» Н. В. Гоголя (опыт сопоставительного анализа) // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. IX. М.; Магнитогорск, 2000. С. 324–328.* Типологическое сходство героев стало предметом статьи Л. А. Козыро: *Козыро Л. А. У истоков типа «маленького человека» (Повесть В. Лёвшина «Досадное пробуждение»). Калуга, 1987. 19 с. (рукопись депонирована).*

К. С. Корешков, В. В. Зельченко

«ДЫМ ОТЕЧЕСТВА»
ОТ ГОМЕРА ДО ГРИБОЕДОВА

Он вспомнил о петербургских обедах, о водке, об икре, по тут же решительно себе подтвердил, что писалось не сожалеет о своей поездке. «Когда, постранствуя, воротишься домой, — И дым отечества... Все у нас, кстати, думают, что дым отечества это из Грибоедова. А Грибоедов это взял у Гомера как нечто общезвестное... Месяца три-четыре можно провести и без дыма отечества...»

М. А. Алданов. Истоки¹

1

С алдановским героем не приходится спорить: в наше время фраза «И дым отечества нам сладок и приятен» прочно ассоциируется с «Горем от ума». В хрестоматийном монологе только что вернувшийся из-за границы Чапкий перебирает своих московских знакомых и под конец восклицает (д. I, явл. 7, ст. 383–386):

Опять увидеть их мне суждено судьбой!
Жить с ними надоест, и в ком не сырещем пятен?
Когда ж постранствуешь, воротишься домой,
*И дым отечества нам сладок и приятен!*²

¹ Алданов М. А. Собр. соч.: В 6 т. М., 1991. Т. 4. С. 446.

² Так в Жандровском списке «Горя от ума» и в первой публикации (Русская Талия: Подарок любителям и любительницам отечеств-

КРЫЛАТЫЕ СЛОВА

<i>В. Е. Багно. «Жизнь есть сон, как писал Кальдерон» . . .</i>	324
<i>Ю. Д. Левин. Шекспир и русские крылатые слова . . .</i>	366
<i>Р. Ю. Данилевский. «Ищу человека!» (Фразы и образы одного старинного сюжета)</i>	383
<i>Р. Ю. Данилевский. «Призрак бродит по Европе...» (К происхождению и истории образа)</i>	395
<i>А. А. Алексеев. Радищев и традиция английской Библии . .</i>	408
<i>С. И. Николаев. «Чудище обло...»</i>	423
<i>Л. А. Курышева. «Калиф на час» в русской литературе XVIII века. Заметки к теме</i>	434
<i>К. С. Корешков, В. В. Зельченко. «Дым отечества» от Гомера до Грибоедова</i>	461
<i>В. А. Туниманов. «...что и не снилось нашим мудрецам» .</i>	503
<i>Г. А. Тиме. «Алгебра революции», или О русском осмысливании «формул» немецкого рационализма</i>	553
<i>К. С. Корконосенко. «Шаги Командора»: от Блока к Пушкину</i>	563
<i>Мария Маликова. «Открытие Америки» в русской литературе</i>	592
<i>Библиография опубликованных научных работ Ростислава Юрьевича Данилевского</i>	611

Научное издание

РУССКАЯ СУДЬБА КРЫЛАТЫХ СЛОВ

Утверждено к печати
Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Редактор издательства *И. Е. Петросян*

Художник *Л. А. Яценко*

Технический редактор *О. В. Новикова*

Корректоры *Л. Д. Колосова, М. Н. Сенина*
и *Е. В. Шестакова*

Компьютерная верстка *Т. Н. Поповой*

Лицензия ИД № 02980 от 06 октября 2000 г.

Сдано в набор 12.11.09. Подписано к печати 25.03.10.

Формат 60 × 90 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная. Гарнитура Петербург.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 40.0. Уч.-изд. л. 34.7.

Тираж 800 экз. Тип. зак. № 3095. С 49

Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1

E-mail: main@nauka.nw.ru

Internet: www.naukaspb.spb.ru

Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

ISBN 978-5-02-025538-8

9 785020 255388